

Научная статья

УДК: 347

DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.103.125

Сфера действия публичного договора

Андрей Андреевич Громов

Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, Россия 109012, Москва, Ильинка, 8/2, andrei_gromof@mail.ru, SPIN-код: 3487-3909, AuthorID: 1146987

Аннотация

До настоящего времени сфера действия публичного договора остается не до конца проясненной. В российской доктрине и практике сформировался устойчивый подход, согласно которому перечень публичных договоров не ограничивается случаями, специально упомянутыми в законе. Любой договор может быть признан публичным, если он подпадает под абстрактные критерии ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом в российской литературе до настоящего времени отмечается, что ряд характерных черт, свойственных публичному договору, установить довольно трудно. Это касается, например, таких элементов, как характер деятельности обязанного лица и круг лиц, обладающих правом требовать заключения договора и обозначенных в ст. 426 Гражданского кодекса в качестве потребителей. В связи с этим крайне значимой задачей является четкое определение признаков публичного договора. Для достижения указанных целей в статье используется как анализ российской судебной практики и доктрины, так и опыт германского правопорядка, в рамках которого содержательное наполнение общей обязанности заключить договор имеет довольно давнюю историю. В статье также обращается особое внимание на то, что обязанность заключить договор с каждым, кто обратится, может иметь по меньшей мере три самостоятельных обоснования: намерение правопорядка предоставить лицу конкретное благо, требование равного обращения и запрет дискриминации по определенным критериям. Публичный договор по большей части связан с первым из трех приведенных обоснований, что существенно влияет на такой признак публичного договора, как характер деятельности обязанного лица. Автор приходит к выводу, что публичный договор служит двум различным целям: обеспечению обычных потребностей участников оборота и защите конкуренции. Данная двойственность приводит к тому, что признаки публичного договора несколько отличаются в зависимости от того, какую из двух указанных целей публичный договор обеспечивает в рамках конкретного договорного отношения.

Ключевые слова

публичный договор; принудительное заключение договора; ограничение свободы договора; сделка; волевое действие.

Благодарности: Исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР 123021600231-5).

Для цитирования: Громов А.А. Сфера действия публичного договора // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 4. С. 103–125. DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.103.125

Research article

The Scope of Public Contract

Andrey Andreevich Gromov

Private Law Research Centre, 8/2 Ilinka Str., Moscow 109012, Russia, andrei_gromof@mail.ru; SPIN-код: 3487-3909, AuthorID: 1146987

Abstract

The scope of the public contract remains not fully clarified. In Russian literature and practice, an approach has been formed, according to which the list of public contracts is not limited to cases specifically mentioned in the law. Any contract can be recognized as public if it falls under the abstract criteria of Article 426 of the Civil Code of the Russian Federation. At the same time, the Russian literature has so far noted that a number of characteristic features of a public contract is quite difficult to establish. This applies, for example, to such elements as the nature of the activity of the obligated person and the circle of persons who have the right to demand the conclusion of an agreement and indicated in the Article 426 as consumers. In this regard, an extremely important task is to clearly define the characteristics of a public contract. To achieve these goals, the article uses both an analysis of Russian judicial practice and doctrine, and the experience of the German legal order, within which the content of the general obligation to conclude an agreement has a rather long history. The article also draws special attention to the fact that the obligation to conclude an agreement with everyone who applies may have at least three independent justifications: the intention of the legal order to provide a person with a specific benefit; requirement of equal treatment and prohibition of discrimination based on certain criteria. At the same time, a public contract is mostly associated with the first of the three justifications given, which significantly affects such a feature of a public contract as the nature of the activity of the obligated person. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that a public contract serves two different purposes: ensuring the usual needs of participants in the turnover and protecting competition. This duality leads to the fact that the characteristics of a public contract differ somewhat depending on which of the two specified goals the public contract provides within the framework of a specific contractual relationship.

Keywords

public contract; forced conclusion of a contract; restriction of freedom of contract; juridical act; volitional action.

Acknowledgements: This study was prepared as part of a state assignment approved by the Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation (research work number in EGISU NIOKTR 123021600231-5)

For citation: Gromov A.A. (2023) The Scope of a Public Contract. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 4, pp. 103–125 (In Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.103.125

Введение

Свобода договора представляет собой одну из значимых гарантий, которая позволяет участникам гражданского оборота свободно устанавливать свои обязательственные правоотношения. Что не менее важно, свобода договора позволяет в ряде случаев отказаться от совершения сделки и прекратить начавшиеся переговоры. Осознание того, что ваш потенциальный контрагент может в любой момент отказаться от заключения договора, побуждает стороны к поиску компромиссов при формулировании договорных условий.

Безусловно, свобода договора не может быть безграничной [Степкин С.П., 2018: 20]. В ряде случаев законодатель предписывает специальные требования к форме сделок. Также нормы, регулирующие вопросы обязательственного права, которому, по общему правилу, свойственна диспозитивность, в ряде случаев содержат некоторые императивные требования [Плотников И.Г., 2017: 17]. Кроме того, большое количество ограничений касаются института несправедливых договорных условий [Ширвиндт А.М., 2014: 45]. Но, вероятно, наибольшее умаление договорной свободы происходит вследствие введения обязательства заключить договор. В отличие от ограничительных мер, упомянутых ранее, данная мера не позволяет лицу использовать негативное проявление договорной свободы и отказаться от совершения сделки.

Источником соответствующей обязанности заключить договор может быть как договор, так и нормативное предписание. В ряде случаев лицо может добровольно возложить на себя обязательство по совершению сделки в будущем. Этот случай, как правило, квалифицируется как предварительный договор (ст. 429 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее — ГК РФ; ГК). Он находится вне сферы нашего исследования. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать

ситуации, в которых законодатель обязывает лицо заключить договор с каждым, кто обратится. Для этого первоначально приводится немецкий опыт, в рамках которого в доктрине и в судебной практике с начала 1920-х годов активно обсуждается вопрос о границах института принудительного заключения договора (1). После этого рассматривается действующее российское правовое регулирование (2).

1. Институт принудительного заключения договора в Германии

Немецкие исследователи отмечают, что наиболее «тяжелое» воздействие на договорную свободу имеет место, если лицо обязано заключить договор [Medicus D., Lorenz St., 2012: 39]. Это понуждение ограничивает не только свободу заключить договор, поскольку обязанное лицо могло бы без лишнего труда обойти эту обязанность, включив в проект договора неприемлемые для контрагента условия (например, астрономическую цену) [Kilian W., 1980: 77]. Отсюда следует, что обязанность заключить договор также исключает свободу произвольного определения содержания такого договора. Классическое определение института принудительного заключения договора охватывает как обязанность заключить договор, так и привносит содержательные ограничения. Например, такое описание нередко приводится в немецких публикациях: «Понуждение к заключению договора — это возлагаемое на лицо обязательство, основанное на норме правопорядка, предписывающее субъекту вне зависимости от его воли в интересах управомоченного лица заключить договор с этим лицом или с заранее определенным содержанием, или его содержание будет определено независимым лицом» [Medicus D., Lorenz St., 2012: 39].

1.1. Обязанность заключить договор в специальных законах

Непосредственно в Германском гражданском уложении (далее — ГГУ) общий институт понуждения к заключению договора прямо не предусмотрен. Однако начиная с 1900 г. он встречается в других законах. Например, Закон о пассажирских перевозках (1964) обязывает публичного перевозчика, участвующего в пассажирских перевозках, к перевозке пассажиров. Еще одним примером может выступать обязанность страховщика застраховать ответственность владельца транспортного средства. Специальный закон обязывает поставщика электроэнергии осуществлять доставку лицам, находящимся на его территории деятельности. Также законы предписывают работодателям заключать трудовые договоры с лицами из определенной группы [Leenen D., 2012: 11].

Понуждение к заключению договора в сфере электроэнергетики и транспорта обусловлено насущной потребностью в этих услугах, а также сохранением по крайней мере де-факто монополий во многих случаях. В сфере страхования ответственности причина понуждения к заключению договора несколько иная. Она связана с тем, что законодатель обязал владельцев транспортных средств застраховать свою ответственность. Для исполнения этой обязанности требуется страховая компания, которая не должна иметь возможность отказаться от заключения договора. В противном случае владелец транспортного средства фактически окажется лишенным возможности пользоваться своим автомобилем. В случае с обязанностью работодателя заключить договор законодатель защищает работника, помогая ему найти рабочее место, которое в условиях свободного рынка он, вполне вероятно, мог бы не получить.

Самостоятельные основания для принудительного заключения договора предусмотрены в Законе Федеративной Республики Германии против ограничения конкуренции (1958). Параграф 20 Закона запрещает несправедливо препятствовать нормальной деятельности другой компании или относиться к ней иначе, чем к аналогичным компаниям без объективной уважительной причины. Этот запрет дискриминации направлен на четырех адресатов, а именно: доминирующие компании (пар. 19); некоторые объединения компаний, а именно определенные разрешенные картели (пар. 20); фирмы, которые фиксируют свои цены (т.е. фиксируют розничную цену, что допускается только в исключительных случаях на основании пар. 28, 30); на основании пар. 20 Закона компании и ассоциации компаний, от которых малые или средние компании настолько зависят, что не могут переключиться на другие компании в достаточной и разумной форме [Medicus D., Lorenz St., 2012: 40, 41].

Согласно пар. 33 Закона против ограничения конкуренции нарушение запретов в области защиты конкуренции может приводить ко взысканию убытков и заявлению требования об устранении нарушения. Это также может служить основанием для понуждения к заключению договора. Например, спортивный магазин в предгорьях баварских Альп зарекомендовал себя как крайне недорогой. Затем один из ведущих производителей товаров отказывается продолжать поставки розничному продавцу, если он не будет придерживаться цены, рекомендованной производителем. Ритейлер успешно подал в суд иск об обязании производителя продолжать поставки товара. Суд указал, что известная и популярная продукция производителя не должна отсутствовать в спортивном магазине, специализирующемся на водных видах спорта в Верхней Баварии [Leenen D., 2012: 12].

Гипотеза пар. 20 Закона против ограничения конкуренции отчасти дает определенное обобщение правовых концепций, ранее выраженных в отдельных старых правилах: там, где конкуренция (через объединения предпринимателей или поддержание цен) нарушается, потерпевшие участники рынка должны иметь возможность требовать заключения договора на разумных условиях [Wolf M., Neuner J., 2012: 575].

Насколько далеко посредством пар. 20 Закона против ограничения конкуренции может зайти гарантируемая защита, показывают судебные дела, основанные еще на старой редакции (1973) данного параграфа Закона. В этих делах рыночная доля производителей составляла 8% и 11% [Medicus D., Lorenz St., 2012: 41]. Предъявивший в суд иск ритейлер мог продолжать свою деятельность и без договоров с ответчиками. Его интересовали только полнота и разнообразие тех товаров, которые он предлагает потребителю. Однако в обоих случаях судебные инстанции подтвердили наличие зависимости ритейлера от производителя. Более того, в одном из дел суд не счел в качестве разумной причины отказа заключить договор то обстоятельство, что истец использовал товар производителя как приманку клиентов, реализуя его по особенно низкой цене, что, возможно, сделало этот товар непривлекательным для других продавцов. В результате пар. 20 Закона может помешать производителю проводить ограничительную политику продаж (например, поставлять продукцию только специализированным дилерам).

В пар. 20 Закона против ограничения конкуренции содержится еще одно основание понуждения к заключению договора в рамках института защиты конкуренции. В соответствии с этой нормой бизнес-ассоциация или профессиональная ассоциация могут быть обязаны принять компанию в свои ряды. Примером может выступать решение суда, основанное на пар. 27 Закона в старой редакции. Оптовый торговец санитарно-техническими изделиями добился вступления в ассоциацию оптовиков в этой отрасли, поскольку соответствующие производители были готовы поставлять данную продукцию только членам ассоциации [Medicus D., Lorenz St., 2012: 41].

В качестве еще одной иллюстрации полезно привести дело, в котором было установлено, что в городе действует зарегистрированная ассоциация, которая по согласованию с городскими театрами организует для своих членов недорогие театральные абонементы [Schwab D., Löhnig M., 2012: 252]. Членство в ассоциации пользуется большим спросом, поскольку в ней подписка на абонемент стоит дешево. Одно лицо подает заявку на членство. Его вносят в «список ожидания», где оно, скорее всего, получит шанс стать членом ассоциации только через три года. Однако это лицо узнает, что другой кандидат был принят сразу же по

рекомендации уходящего в отставку члена ассоциации. Тогда это лицо требует, чтобы в ассоциацию немедленно приняли его, и этот иск удовлетворяется.

Вступление в сообщество происходит посредством заключения договора между объединением и участником. По общему правилу, каждый из них при этом свободен. Никто не может быть принужден к участию в определенных объединениях. Также объединение не обязано присваивать статуса участника любому лицу, в данном вопросе действует некая автономия объединения, поскольку гражданская свобода создавать объединения с другими предполагает, что человек также может выбирать лиц, с которыми он хочет создать объединение.

Однако в упомянутом случае есть опасения относительно полномочий ассоциации принимать или отклонять кандидатов в члены по своему желанию, поскольку это объединение удовлетворяет социальную потребность, а именно: предоставляет дешевые абонементы для постоянных театралов. Возможно предположить, что объединение в данном случае выступает единственным источником дешевых абонементов, т.е. занимает положение сродни монопольному. Отсюда может вытекать обязанность заключить договор с каждым, кто обратится, на одинаковых условиях.

1.2. Общий институт понуждения к заключению договора

Понуждение к заключению договора не исчерпывается специальными нормами закона. Предпосылки, при которых возникает обязательство заключить договор, довольно спорны. Преобладает мнение: общее обязательство заключить договор распространяется не только на монополистов, но и на предприятия или объединения, которые обладают экономической властью, и заявитель зависит от договорных отношений с ними для достижения значимых, существенных интересов. Господствующее мнение полагает, что предприниматель, предлагающий жизненно важные блага, может отказаться заключить договор, только приведя разумные основания, если при этом другая сторона не имеет разумной возможности удовлетворить свои потребности иначе [Schwab D., Löhnig M., 2012: 252, 253].

Как законное основание для общего требования уместно рассмотреть пар. 826 ГГУ, если отказ в заключении договора представляет собой намеренное причинение вреда, противоречащее добрым нравам. В качестве примера можно привести судебное дело 1931 года. Городская администрация Бохума отказала театральному критику, чьи обзоры ей не нравились, в посещении городского театра (однако суд отклонил иск,

что впоследствии стало предметом сильной доктринальной критики). Здесь также можно привести школьный пример, в котором пекарь отказывается продать супругу или супруге хлеб, поскольку он поругался с ее/его мужем или женой.

Общим для этих случаев является то, что кто-то предлагает услугу всем, но утаивает ее от отдельного лица. Оценка подобного действия как противоправного зависит, в первую очередь, от причин отказа заключить договор. В примере с отказом пекаря эти причины, конечно, предосудительны. Однако и здесь могут быть выдвинуты аргументы в контексте вопроса о понуждении к заключению договора — если другой пекарь находится совсем неподалеку (например, в одной минуте ходьбы), тогда отказ первого продавца причинил бы клиенту, возможно, довольно небольшой имущественный ущерб (если таковой в принципе был). Скорее всего, причиненный ущерб будет носить нематериальный характер. В таком случае потерпевший может воспользоваться правом требовать взыскания компенсации за причиненный моральный вред. Но иск о понуждении к заключению договора вряд ли позволит потерпевшему эффективно достичь желаемого. Как отмечается в немецкой доктрине, в лучшем случае он получит притворное послушание пекаря по итогам длительных судебных разбирательств. Отмечается, что меры административного или уголовного права в данном случае могут оказаться более эффективными [Medicus D., Lorenz St., 2012: 42, 43].

1.3. Общий закон о равном обращении

Правила Общего закона о равном обращении (2006) близки институту понуждения к заключению договора. Эти правила направлены на обеспечение равенства между участниками оборота по ряду прямо названных в Законе критериев. С точки зрения сферы действия он включает в том числе случаи публичного предоставления товаров и услуг в рамках частноправовых сделок. Например, указанный Закон работает, когда: арендодатель принял решение сдать квартиру в аренду; гостиница приглашает гостей; страховщик предлагает заключить договор; объединение принимает решение о членстве определенного лица; частная школа принимает решение о допуске ученика к обучению [Kotz H., 2012: 15].

Институт защиты от дискриминации не следует воспринимать как внедренный в частное право чужеродный элемент. Избыток защиты от дискриминации может задушить частную автономию, но исторический опыт показывает, что частная автономия становится пустой тратой времени, если отсутствует хотя бы минимальная защита от дискриминации. Задолго до принятия Общего закона о равном обращении в

2006 году принцип защиты от дискриминации рассматривался как один из фундаментальных принципов [Wolf M., Neuner J., 2012: 572].

Параграф. 21 Общего закона о равном обращении регулирует правовые последствия при нарушении гражданско-правового запрета на дискриминацию, установленного в пар. 19. Содержащееся в пар. 21 Общего закона требование о прекращении причинения вреда охватывает также требование о понуждении к заключению договора, если дискриминация состоит именно в отказе от заключения договора и совершение сделки еще возможно. Если, например, лицу с ограниченными возможностями отказано в заключении договора именно по этой причине при том, что аналогичные договоры заключаются с каждым, кто обратится, потерпевший может потребовать устранения этой дискриминации. Поскольку дискриминация состоит именно в том, что нарушитель не заключил договор с потерпевшим, который он, однако, заключил бы с любым третьим лицом, дискриминация может быть прекращена посредством понуждения к заключению этого договора.

Институт понуждения к заключению договора может, кроме того, вытекать из предусмотренного в пар. 21 Общего закона требования о возмещении вреда, поскольку один из способов его возмещения — это возмещение в натуре (пар. 249 ГГУ). Возмещение в натуре означает в данном случае, что нарушитель должен создать положение, при котором дискриминации бы не было (т.е. договор был бы заключен). Это имеет место в ситуации, когда нарушитель заключает подобные договоры с лицами, не имеющими соответствующей дискриминационной характеристики.

Против понуждения к заключению договора в Общем законе о равном обращении говорит тот факт, что в проекте названного Закона первоначально содержалась норма, в которой прямо предусматривалось: при дискриминирующем отказе заключить договор потерпевший может понудить другую сторону к его заключению, если бы при этом не нарушался запрет на дискриминацию. Эта норма была серьезно раскритикована специалистами и исключена из окончательного проекта. Указанное обстоятельство вроде бы намекает, что законодатель не предусмотрел в Общем законе требование о понуждении к заключению договора.

Однако в опровержение этого подхода отмечается, что при таком понимании был бы излишним пар. 15 Общего закона о равном обращении, в котором указано, что в определенных случаях у лица нет права требовать вступления в обязательственное правоотношение; отсюда вполне можно сделать вывод, что в других случаях устранение недостатка может происходить и путем иска о заключении договора. Также указывается, что, критикуя принуждение к заключению договора, всегда нужно принимать во внимание, что принуждение, конечно, оказывает существенное

влияние на свободу дискриминирующего лица принимать решение о том, заключать ли ему договор или нет, но, с другой стороны, расширяет чисто фактическую свободу носителя определенных дискриминационных признаков заключать договор [Schwab D., Löhnig M., 2012: 254].

Следует отметить, что мнения ученых расходятся относительно того, позволяет ли Общий закон о равном обращении понуждать к заключению договора при нарушении лицом дискриминационных запретов [Wiemann J., 2010: 1134–1145]. Так, Х. Кетц указывает, что можно, конечно, спорить, нарушит ли арендодатель моральный запрет, если объявит, что не хочет заключать договоры со слишком молодыми людьми, однако нет оснований принуждать его в подобном случае на законных основаниях к заключению договора аренды или угрожать ему санкциями, если он ведет себя в данной ситуации не так, как (возможно) ожидается от рачительного хозяина. По его мнению, в принципе о неправомерной дискриминации довольно трудно говорить, если для отказа в заключении договора есть объективная причина или если в рамках переговоров о заключении договора, не являющегося массовой сделкой, лицо отказывается совершить сделку без объяснения причин [Kotz H., 2012: 15–16]. Если имеет место случай недопустимой дискриминации, то потерпевшему, как полагает автор, не предъявляется требование о заключении договора. Вместо этого он вправе требовать возмещения убытков, в частности нематериальный ущерб.

1.4. Классификация обязательств заключить договор в зависимости от ключевой цели законодателя

При более близком рассмотрении все указанные выше случаи обязательств заключить договор служат достижению следующих целей. Во-первых, институт понуждения к заключению договора предназначен для защиты личности от социальной изоляции и изоляции в сфере оборота товаров. Во-вторых, он в целом необходим для обеспечения минимума однородных базовых установок в обществе. Указанные цели могут защищаться как исключительно в правовом поле в форме возмещения причиненных убытков в денежной форме, так и посредством социального вовлечения потерпевшего в жизненные процессы, в которых он жаждет принять участие.

С точки зрения правового измерения защита от дискриминации может быть направлена против злоупотреблений третьего лица, которые проявляются в форме таких противоправных действий, как, например, выставление таблички в заведении, предлагающем услуги публично, с ограничением права прохода определенной группы лиц. С точки зрения

частного права защита от подобных злоупотреблений осуществляется через деликтную защиту, в особенности, посредством защиты личных неимущественных прав. Также могут применяться притязания о прекращении нарушения или устранении угрозы причинения вреда (по аналогии с пар. 1004 ГГУ) [Wolf M., Neuner J., 2012: 572, 573].

Нарушение личных неимущественных прав может быть вызвано и тем, что дискриминирующее лицо ведет себя сугубо пассивно, избегая законных контактов с определенными группами лиц и отказываясь от предложений заключить контракт без объяснения причин. Вроде бы дискриминирующее лицо использует свою негативную договорную свободу, однако при этом почему-то отдельные лица в сравнении с другими заинтересованными систематически подвергаются дискриминации. Это неравное обращение с участниками оборота может с точки зрения деликта создать предпосылки для иска о взыскании морального вреда. Однако при признании доминирования свободы договора это не может привести к равному обращению в смысле обязательства заключить договор, поскольку дискриминирующее лицо использует свою частную автономию только в негативном ключе [Vandenbergh A.-S., 2011: 13–15].

С точки зрения социального измерения институт понуждения к заключению договора описывается в таком ключе, что дискриминирующее лицо вопреки его воле, но для целей защиты третьих лиц, а равно и интересов социального государства, обязуется заключить договор. Легитимная цель подобной обязанности заключается преимущественно в том, чтобы защитить дискриминируемого от исключения (отстранения) от определенных товаров или услуг, а не в карательном отношении к дискриминирующему лицу. Кроме того, существует множество случаев юридического понуждения к заключению контрактов, которые обычно служат общим интересам. В этой связи обязанность заключить договор имеет скорее не защитно-правовой, а социальный характер [Kilian W., 1980: 53–61]. Сообразно этим целям возможно выделить следующие классификации случаев принуждения к заключению договора.

1.4.1. Общий институт понуждения к заключению договора

В рамках общей обязанности заключить договор адресат должен с каждым заинтересованным лицом вступить в договорные отношения. Такое безусловное принуждение к заключению договора соответствует принципу равного обращения в том плане, что в принципе аналогичные правоотношения должны быть установлены со всеми заинтересованными лицами. Тем не менее принцип равенства в данном случае имеет второстепенное значение, поскольку независимо от возможных обяза-

тельств должника перед третьими лицами у каждого человека уже есть первоначальное притязание, которое также может остаться единственным [Wolf M., Neuner J., 2012: 574].

Идея равенства приобретает значение только тогда, когда ресурсы ограничены, когда несколько заинтересованных сторон просят одного и того же блага. В таких случаях обязанное лицо должно произвести распределение благ, основываясь на объективных критериях. Общий институт понуждения к заключению договора может служить для защиты коллективных интересов, таких как сохранение ресурсов. В то же время очень часто он также направлен на защиту отдельных субъектов, в первую очередь, в сфере обеспечения услугами, представляющими общий интерес, для обеспечения социокультурного минимального существования каждого гражданина.

Например, для предприятий, поставляющих электроэнергию, предусмотрена обязанность заключать договоры. Аналогичное обязательство предусматривается для пассажирских перевозок, для страховых организаций при страховании ответственности автовладельцев; обязанность заключить договор на ведение текущего счета может вытекать из специальных положений в законах о сберегательных кассах федеральных земель.

В дополнение к этим специальным юридическим обязательствам по заключению договоров в немецкой доктрине выработан общий подход, согласно которому компания, публично предлагающая товары или услуги первой необходимости, может отказаться от заключения договора только по объективно обоснованным причинам, если у заказчика отсутствуют разумные альтернативные варианты [Bydliniski F., 1980: 41]. В данном контексте адресатом обязанности, как правило, будет или монополия, или предприятие, занимающее доминирующее положение на рынке. Поскольку для признания положения доминирующим достаточно ограниченной территории, даже единственная местная пекарня может быть признана монополистом. При этом существует некая взаимосвязь — чем настоятельнее потребность в товаре или услуге, тем выше вероятность возникновения обязанности заключить договор; чем больше конкурентов предлагают услугу на рынке, доступном для клиента, тем меньше требуется вводить обязанность заключить договор для удовлетворения спроса.

1.4.2. Требование равного обращения

В отличие от общей обязанности заключения договора требование равного обращения предполагает, что к отдельным субъектам частного права относятся ровно также, как и по отношению к другим. Это требо-

вание имеет свое основание не в изначальных обязанностях двустороннего правоотношения. Напротив, оно может быть реализовано только при нарушении принципа относительности обязательственных отношений [Wolf M., Neuner J., 2012: 575]. Так же, как и общее обязательство по заключению договора, требование равного обращения может служить защите коллективного блага, например, преследуя определенные цели в антимонопольном праве. Наряду с этим указанное требование может защищать и интересы индивидуальных лиц. Это требование может проявиться на всех стадиях договорного отношения, начиная с заключения договора, до его прекращения.

Обязательство по заключению договора может вытекать, например, из запрета на дискриминацию для компаний, занимающих доминирующее положение, а также для бизнес-ассоциаций и профессиональных ассоциаций. Эти предприятия и ассоциации не должны необоснованно препятствовать отдельным компаниям по сравнению с другими компаниями того же типа в вопросе заключения договора и не должны прямо или косвенно относиться к ним по-разному без объективно уважительной причины.

Внутри договорных отношений требование о равном обращении может существовать, в частности, между работодателем и его работниками. Если кому-либо из работников работодатель выплачивает бонус, то он должен его выплатить и другим. Также должник, который обеспечивает контрагенту частичное предоставление из-за ограниченности ресурсов, должен с конкурирующим кредитором обойтись точно так же. Это относится, например, к требованию пропорционального уменьшения предоставления в случае частичной утраты должником ограниченного родового долга не по своей вине.

1.4.3. Запреты проведения различий

В отличие от требования равного обращения, запрет различий не требует тождественного образа действий, но только чтобы частноправовое решение не ставилось в зависимость от некоторых возмутительных критериев. Здесь нет обязанности предоставлять равным равное, но нужно только исключить некоторые преференциальные решения. Например, работодатель имеет право отказать тому или иному лицу в приеме на работу, но не на основании определенных критериев, подпадающих под запрет дискриминации.

Как Общий закон о равном обращении, так и частноправовые директивы ЕС содержат только запрет использования некоторых различий, но не общее требование о равном обращении. Разница между этими явлениями, ограничивающими частную автономию, будет становиться

меньше, чем больше признаков будут признаваться дискриминирующими, и на их основании нельзя будет принимать решение о заключении договора. Теоретически можно подвергнуть все персональные данные запрету на дифференциацию и таким образом фактически устранить свободу выбора. В связи с этим защита от дискриминации допустима только там, где релевантной группе лиц угрожает опасность оказаться отстраненной от определенных товаров или услуг. Прежде всего — это вопрос взаимодействия трех критериев [Wolf M., Neuner J., 2012: 576].

Во-первых, как правило, конкретная дискриминируемая характеристика определенной группы лиц становится проблемой, влекущей социальное отстранение, если она текущим общественным мнением рассматривается как решающий критерий дискриминации.

Во-вторых, рассматриваемая группа должна быть достойна защиты. В случае характеристик, на которые можно повлиять (нежелание быть готовым осуществить предоставление, неопрятный внешний вид), эти критерии дифференциации, как правило, признаются разумными. С другой стороны, в случае неизменяемых атрибутов существует фундаментальная потребность в защите, которая также зависит от особенностей конкретного предоставления.

В-третьих, необходимо принимать во внимание объективную заинтересованность лица, принимающего решение о совершении сделки, в проведении дифференциации.

2. Российское регулирование

В рамках российского регулирования существует довольно много случаев, когда лицо обязуется заключить договор. Однако если приводить общие обязательства по заключению договора, в которых управомоченным может выступать каждый, кто обратится, то среди них особо можно выделить: публичный договор (2.1); обязанность заключить договор, установленную для лица, занимающего доминирующее положение на рынке (2.2).

2.1. Публичный договор

Согласно п. 1 ст. 426 ГК РФ публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля,

перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.).

К публичным договорам относятся также иные договоры, прямо названные в законе в качестве таковых, например договор бытового подряда (п. 2 ст. 730 ГК РФ), договор водоснабжения (ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 7.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»), договор обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств (абз. 8 ст. 1 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»)¹.

Однако, например, кредитный договор или договор добровольного имущественного страхования не относятся к числу публичных. Причина этого заключается в том, что, например, при заключении кредитного договора банк рассматривает каждого потенциального клиента индивидуально. Вследствие этого деятельность банка нельзя рассматривать как предполагающую, что банк готов заключить кредитный договор с любым лицом, которое к нему обратиться.

В доктрине неоднократно отмечалось, что ст. 426 ГК содержит абстрактную формулировку, и конкретный договор, рассматриваемый в рамках судебного спора, может признаваться публичным вне зависимости от того, содержится ли в специальном законе соответствующее указание или нет [Савельев А.И., 2009: 105]; [Брагинский М.И., Витрянский В.В., 2003: 253].

К лицам, обязанным заключить публичный договор, исходя из положений п. 1 ст. 426 относятся: коммерческая организация; некоммерческая организация при осуществлении ею приносящей доход деятельности; а равно индивидуальные предприниматели, которые по характеру своей деятельности обязаны продавать товары, выполнять работы и/или оказывать услуги в отношении каждого, кто к ним обратится (потребителя). При этом для целей применения ст. 426 ГК потребителями признаются физические лица, на которых распространяется действие законодательства о защите прав потребителей, а также индивидуальные предприниматели, юридические лица различных организационно-правовых форм, например, потребителями по договору оказания услуг универсальной связи являются как физические, так и юридические лица (пп. 30 ст. 2, ст. 44 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»)².

¹ Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О водоснабжении и водоотведении» // СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О связи» // СПС Консультант Плюс.

В данном случае ключевая особенность публичного договора, отличающая его от остальных групп, заключается в том, что непосредственным источником обязанности заключить договор выступает особенность предоставления, предлагаемого предпринимателем. Это предоставление, во-первых, адресуется неопределенной группе лиц не потому, что так пожелал предприниматель, а непосредственно в силу характера деятельности. Например, если лицо профессионально осуществляет пассажирские перевозки, не имеет значения его намерение адресовать предложение об услугах только конкретным лицам. По характеру своей деятельности такой перевозчик должен оказывать услуги каждому желающему. Напротив, продавец земельного участка не обязан заключить договор с любым обратившимся. Он, конечно, может сделать публичную оферту, но это будет основано исключительно на его воле и не будет вытекать из деятельности, которую он осуществляет.

В качестве иллюстрации возможно привести дело, в рамках которого суд анализировал договор об оказании физкультурно-оздоровительных услуг, предусматривающий членство в спортивном клубе³. В качестве довода против признания такого договора публичным отмечалось, что по условиям договора и правил членом клуба является лицо, не имеющее противопоказаний к занятиям спортом по состоянию здоровья, следовательно, спорный договор предусматривает объективные критерии для лиц, имеющих намерение заключить такой договор, а потому у ответчика отсутствует обязанность заключить договор с каждым, кто к нему обратится.

Однако данный аргумент был отвергнут. Верховный Суд России указал, что в публичном договоре одной из сторон является продавец (исполнитель), который занимается предпринимательской деятельностью и, как правило, реализует социально необходимые и публично значимые товары (работы, услуги). Предмет договора по данному делу составляют физкультурно-оздоровительные услуги, оказываемые соответствующей организацией, и их оплата гражданином. Эти услуги заключаются в создании условий для систематических занятий спортом, развития общей физической подготовки гражданина, контроля за тренировочным процессом. Объективные критерии для лиц, обращающихся за заключением такого договора, в виде отсутствия противопоказаний к занятиям спортом по состоянию здоровья свидетельствуют о том, что клуб обязан заключить договор с каждым, кто будет соответствовать указанным требованиям. Таким образом, названные критерии не могут являться

³ П. 12 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей, утв. Президиумом Верховного Суда России от 20.10.2021 // СПС КонсультантПлюс.

основанием для вывода о том, что заключенный между сторонами договор не обладает признаками публичного договора.

Приведенные разъяснения несколько уточняют первый признак публичного договора. Лицо по характеру своей деятельности обязано заключить договор с каждым, кто к нему обратится, т.е. характер деятельности таков, что услуги предлагаются публично. Однако круг указанных лиц может быть несколько ограничен посредством введения объективных критериев.

В рамках указанного дела приведен и второй значимый критерий публичного договора, который из непосредственного текста ст. 426 ГК можно вывести разве что посредством анализа примеров, которые приводятся в п. 1 названной нормы. Так, среди предоставлений, подпадающих под действие публичного договора, законодатель упоминает розничную торговлю, перевозку транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п. Из приведенного перечня можно вывести, что указанные услуги направлены на удовлетворение нормальных потребностей лиц. Именно на это указал и Верховный Суд России, отметив, что соответствующий договор, как правило, направлен на предоставление публично значимых товаров.

В подтверждение наличия этого признака возможно привести дело, в рамках которого ответчиком выступало АО «Почта России»⁴. К нему было заявлено требование об обязанности заключить договор со стороны оператора почтовой связи. «Почта России» обратилось с кассационной жалобой, в которой просило изменить мотивировочную часть постановления апелляционного суда, в котором содержался вывод о публичности договора на предоставление услуг почтовой связи в отношении истца, имеющего статус почтового оператора.

В указанном деле Апелляционный суд указал, что в силу ст. 2 Федерального закона о почтовой связи⁵ договор на оказание услуг почтовой связи для ответчика является публичным. Никаких ограничений по кругу потенциальных клиентов либо исключений, в том числе и для иных почтовых операторов, ни Закон о почтовой связи, ни иные федеральные законы не содержат. Следовательно, договор АО «Почта России» по предоставлению услуг оператору почтовой связи также является публичным.

С приведенной позицией не согласился суд кассационной инстанции, отметив, что публичный договор всегда связан с существенным

⁴ Постановление Апелляционного суда ВСО от 01.02.2021 по делу № А19-1315/2020 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ (ред. от 18.03.2023) «О почтовой связи» // СПС КонсультантПлюс.

фактическим неравенством его сторон и особым предметом договора; признание договора публичным направлено на защиту интересов потребителя как экономически более слабой стороны в правоотношениях с лицом, осуществляющим профессиональную деятельность в определенной сфере. Это означает, что публичный договор связан с существенным фактическим неравенством субъектов, один из которых является на рынке профессионалом, а второй — нет.

В рассматриваемом случае и ответчик, и истец являются профессиональными участниками в сфере оказания услуг почтовой связи. В этой связи понуждение одного оператора почтовой связи к заключению договора с другим оператором почтовой связи невозможно на основании ст. 426 ГК.

Надлежит подробнее остановиться на указанном критерии, предполагающем, что публичный договор направлен на удовлетворение нормальных потребностей. Следует отметить, что юридические меры предосторожности, позволяющие удовлетворить все законные потребности человека, носили бы утопический характер. Это связано с ограниченностью экономических благ и с тем, что удовлетворение одной потребности человека может порождать другие потребности. Таким образом, стремление обеспечить удовлетворение всех человеческих потребностей было бы невыполнимым требованием, которое правовая и экономическая система, безусловно, не выдвигает. Остается только искать максимально широкую и приемлемую норму для исправления сбоев в товарном обороте, которая бы основывалась на относительно широком консенсусе. Акцент должен быть сделан не на тех аспектах, особенности которых влияют на различия во мнениях, а на самоочевидных и бесспорных потребностях [Bydlinki F., 1980: 36–38]. Существование подлинных и весьма различных человеческих потребностей, выходящих за рамки этого, никоим образом не отрицается, но их удовлетворение отдано на откуп одному лишь некорректируемому принудительно правовому порядку, основанному на свободном товарном обороте.

В качестве возможного правила следует указать, что речь идет о потребностях, удовлетворение которых необходимо для осуществления нормальной человеческой жизни в соответствии с реалиями времени (сегодняшний нормальный образ жизни среднестатистического человека). Товары и услуги, которые сегодня доступны практически каждому и которые среднестатистический человек использует (потребляет) в повседневной жизни или, по крайней мере, относительно регулярно, необходимы для его существования в современном мире. Человек не должен быть лишен соответствующих товаров и услуг в долгосрочной перспективе, по крайней мере, если он хочет и может приобрести их на обычных

условиях. Обеспечение беспрепятственного нормального занятия своим делом, на которое теоретически может претендовать каждый, также будет относиться к нормальной потребности. Сосредоточение исключительно на товарах первой необходимости, необходимых для биологического существования, кажется в наше время слишком узким.

Таким образом, гипотеза ст. 426 ГК включает два условия. Во-первых, характер услуг, оказываемых предпринимателем, должен предполагать, что эти услуги оказываются неопределенной группе лиц, выделенной по объективным критериям. Во-вторых, что данные услуги служат удовлетворению нормальных человеческих потребностей настоящего времени.

2.2. Обязанность заключить договор, адресованная субъекту, злоупотребляющему своим доминирующим положением

Согласно ч. 1 ст. 10 Федерального закона о защите конкуренции⁶ запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей, в том числе экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара, а также в случае, если такой отказ или такое уклонение прямо не предусмотрены федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента, нормативными правовыми актами Правительства, нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти или же судебными актами.

Равным образом запрещены соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, т.е. между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к достижению указанной выше цели (ч. 1 ст. 11 Закона «О защите конкуренции»). Соответствующие запреты также предусмотрены для государственных органов, если их действия ограничивают конкуренцию (ст. 15 того же Закона).

В настоящем случае акцент несколько иной по сравнению с публичным договором. Ключевым является значительная доля участия хозяй-

⁶ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» // СПС КонсультантПлюс.

ствующего субъекта на рынке товаров или услуг, в результате чего его действия могут привести к ограничению конкуренции. Соответственно этому в отношениях между предпринимателями общее правило об обязанности заключить договор может иметь место, если действия участника рынка, занимающего значительное положение, посредством произвольного отказа заключить договор приводят к тому, что существование другого предпринимателя, зависящего от его предоставления, может быть поставлено под угрозу. При этом в данном случае, вероятно, во главе угла стоит не угроза существования участника оборота, а факт того, угрожает ли дискриминирующее поведение лица существованию конкуренции на соответствующем рынке, создает ли его поведение для рынка существенный негативный эффект.

В качестве иллюстрации уместно привести дело, в рамках которого администрация, владевшая имуществом, на котором были размещены объекты связи, настаивала на прекращении договорных отношений и демонтаже объектов связи⁷. Судебные акты нижестоящих инстанций, удовлетворившие требования администрации, были отменены, а дело возвращено на новое рассмотрение, поскольку демонтаж объектов связи привел бы к прекращению деятельности оператора связи, у которого отсутствуют технические возможности переноса линий связи в подземную канализацию.

Как указал Верховный Суд России, совокупный анализ сложившейся между администрацией (и подконтрольными ей предприятиями) и операторами подвесной связи конфликтной ситуации свидетельствует, что выполнение заявленных исковых требований создаст условия изменения качественного состояния рынка услуг электросвязи в городе с конкурентного на монополистический, позволив организации, имеющей подземную канализацию для размещения объектов связи, единолично занять доминирующее положение на данном товарном рынке, что не отвечает публичным интересам и целям антимонопольного регулирования.

Как следствие, обязанность лица заключить договор, основанная на нормах Закона о защите конкуренции, акцентирует внимание не на характере оказываемого лицом предоставления, а на его правовом положении в рамках соответствующего товарного рынка. Цель в данном случае заключается не только и не столько в удовлетворении нормальных потребностей человека, а в сохранении конкурентного рынка.

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2015 № 309-ЭС15-6673 // СПС КонсультантПлюс.

Заключение

Во-первых, как в рамках германского, так и российского регулирования институт принудительного заключения договора используется в нескольких более или менее однотипных группах случаев.

Во-вторых, среди них отмечаются взаимоотношения с монополистом или лицом, занимающим доминирующее положение, в ситуации, когда ограничения или устранения конкуренции и (или) необходимости сохранения конкурентного рынка. В таком случае обязанность заключить договор служит цели защиты конкуренции.

В-третьих, еще одна группа случаев, предполагающих обязательство заключить договор, имеет место, когда лицо в силу характера своей деятельности предлагает товары или услуги неограниченному кругу лиц, а указанный товар или услуги служат нормальным потребностям членов общества. В этой ситуации публичный договор служит цели обеспечения участников оборота обычными потребностями, удовлетворение которых необходимо для комфортного существования и (или) ведения деятельности. В таком случае для признания договора публичным не нужно устанавливать факт занятия обязанным лицом доминирующего положения и (или) признания его монополистом.

Список источников

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М.: Статут, 2003. 848 с.
2. Плотников И.Г. Ограничение свободы договора в целях защиты прав слабой стороны // Юрист. 2017. № 14. С. 15–19.
3. Савельев А.И. Применение судами норм Гражданского кодекса РФ о публичных договорах // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 99–136.
4. Степкин С.П. Гражданско-правовые ограничения свободы договора // Юрист. 2018. № 3. С. 19–23.
5. Ширвиндт А.М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве. М.: Статут, 2014 // СПС Консультант Плюс.
6. Bydlinski F. Zu den dogmatischen Grundfragen des Kontrahierungszwanges / Archiv für die civilistische Praxis. Tübingen: Mohr Siebeck 1980, S. 1–46.
7. Edward D. Non-Discrimination as a Legal Concept / Non-Discrimination in European Private Law. R. Schulze (ed.). Tübingen: Mohr Siebeck, 2011, pp. 3–9.
8. Kilian W. Kontrahierungszwang und Zivilrechtssystem / Archiv für die civilistische Praxis. Tübingen: Mohr Siebeck. 1980, S. 47–83.
9. Kotz H. Vertragsrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2012, 559 S.
10. Leenen D. BGB Allgemeiner Teil: Rechtsgeschäftslehre. Berlin: De Gruyter, 2012, 522 S.

11. Medicus D., Lorenz S. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. Munchen: C.H. Beck, 2012, 434 S.
12. Schwab D., Löhnig M. Einführung in das Zivilrecht. Munchen: C.F. Müller, 2012, 459 S.
14. Wiemann J. Obligation to Contract and the German General Act on Equal Treatment (Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz). *German Law Journal*, 2010, vol. 11, no. 10, pp. 1131–1146.
13. Vandenberghe A.-S. The Economics of Non-Discrimination. In: *Non-Discrimination in European Private Law*. R. Schulze R. (ed.) Tübingen: Mohr Siebeck, pp. 9–27.
15. Wolf M., Neuner J. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. 10. Aufl. Munchen: C.H. Beck, 2012, 753 S.

Reference

1. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. (2003) Contract Law. First book. General part. Moscow: Statut, 848 p. (in Russ.)
 2. Bydlinski F. (1980) Zu den dogmatischen Grundfragen des Kontrahierungszwanges. In: *Archiv für die civilistische Praxis*. Tübingen: Mohr Siebeck, S. 1–46.
 3. Edward D. (2011) The non-discrimination as a legal concept. In: *Non-Discrimination in European Private Law*. R. Schulze (ed.). Tübingen: Mohr Siebeck, 268 p.
 4. Kilian W. (1980) Kontrahierungszwang und Zivilrechtssystem. In: *Archiv für die civilistische Praxis*, S. 4–83.
 5. Kotz H. *Vertragsrecht* (2012) Tübingen: Mohr Siebeck, 559 p.
 6. Leenen D. (2012) BGB Allgemeiner Teil: Rechtsgeschäftslehre. Berlin: De Gruyter, 522 p.
 7. Medicus D., Lorenz S. (2012) Schuldrecht. Allgemeiner Teil. Munchen: C.H. Beck, 434 S.
 8. Plotnikov I.G. (2017) Limitation of contractual freedom for protection of weaker party rights. *Yurist=Lawyer*, no. 14, pp. 15–19 (in Russ.)
 9. Saveliev A.I. (2009) The application of the Russian civil code rules on public contracts. *Vestnik grazhdanskogo prava*=Bulletin of the Civil Law, no. 4, pp. 99–136 (in Russ.)
 10. Schwab D., Löhnig M. (2012) *Einführung in das Zivilrecht*. Munchen: C.F. Müller, 459 S.
 11. Shirvindt A.M. (2014) Restrictions of contractual freedom as a means of consumer protection under the EU and Russian private law. *SPS Consultant Plus* (in Russ.)
 12. Stepkin S.P. (2018) Limitations of contractual freedom. *Yurist=Lawyer*, no. 3, pp. 19–23 (in Russ.)
 13. Vandenberghe A.-S. (2011) Economics of non-discrimination. In: *Non-Discrimination in European Private Law*. R. Schulze (ed.), pp. 9–27.
 14. Wiemann J. (2010) Obligation to contract and the German General Act on Equal Treatment (Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz). *German Law Journal*, vol. 11, no. 10, pp. 1131–1146.
 15. Wolf M., Neuner J. (2012) Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. 10. Aufl. Munchen: C.H. Beck, 753 S.
-

Информация об авторе:

А.А. Громов — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author:

A.A. Gromov — Candidate of Sciences (Law), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 01.11.2023.

The article was submitted to editorial office 17.10.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 01.11.2023.